

И. В. Власенко

Контрмиссия в Православной Церкви России в конце XIX — начале XX века (1887–1918)

Необходимость в контрмиссии возникла в Православной Российской церкви в XVII в. из-за активного развития раскольников и сект. Этому было несколько причин, в том числе народные религиозность и, одновременно, невежество, серьезные недостатки в жизни и деятельности духовенства. Церковь и государство боролись с раскольниками в основном с помощью административно-полицейских мер. Подобная контрмиссия была малопродуктивна и зачастую приводила лишь к появлению новых многочисленных раскольнических образований. В результате к 1905 г. различные религиозные объединения и старообрядческие согласия в России объединяли до 20 млн человек.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: контрмиссия, раскольников, секты, старообрядцы, стригольники, баптисты, репрессии.

Контрмиссия как явление возникла в Православной Российской церкви вследствие ее борьбы с раскольников и сектами. В XVII в. в городах Российской империи совершались мучения и казни староверов, «в самой Москве пылали срубы и костры, воздвигались и другие эшафоты, свирепствовали в застенках дьявольские пытки и невероятные жестокости» [Мельников, 102]. Сам термин «контрмиссия» в то время не употреблялся, он появился значительно позже — в 2000-х годах.

В пособии по миссиологии приводится следующее определение: «Контрмиссия, или “миссия против”, связана со скрытым превозношением и запугиванием. Это позиция и церковная практика, доказывающая свою правоту путем явного унижения других людей, в частности, исповедующих другую веру» [Миссиология, 383]. Авторы этого учебника также называют контрмиссию одним из главных темных двойников Церкви, произрастающих на почве отсутствия активной миссии [Миссиология].

Таким образом, можно сказать, что задача контрмиссии — показать неправильность, ложность и даже вредность для государства и личности учения и практики чуждой, по мнению церкви, религиозной организации и любой ценой добиться запрета и разгона тех объединений, которые церковь считает, как сказали бы теперь ее идеологи-фундаменталисты, «тоталитарными сектами» и «деструктивными культами» [Адаменко].

Согласно законам Российской империи конца XIX — начала XX вв. первенствующей и господствующей верой в России была вера православная, а ее верховным защитником и блюстителем являлся император [История России, 85–87].

С внешней стороны положение церкви в государстве выглядело впечатляюще: в начале XX столетия граждан православного исповедания в России числилось более 70 миллионов человек — это бо́льшая часть населения страны. Однако фактически влияние церкви на народные массы постепенно ослабевало, вера у многих становилась лишь долгом и традицией, а молитва — холодным обрядом по привычке [Антоний (Храповицкий), 611].

В конце XIX в. во многих губерниях России появились различные неправославные группы. По данным полиции, к 1905 г. секты и различные старообрядческие согласия объединяли до 20 миллионов человек. Особенно быстро распространялся баптизм. Правительство пыталось остановить его полицейскими мерами. Баптистов назвали сектой: в 1894 г. она была признана особо вредной, им запретили проводить собрания. Но, против ожидания властей, борьба с баптизмом вызвала бурный его рост и сделала проблему еще более острой.

Исторические корни

Появление контрмиссии в нашей стране можно увидеть уже в XIV в., когда в Новгороде и Пскове возникло движение стригольников — одно из самых известных, наряду с жидовствующими, еретических движений в средневековой Руси. Стригольники отвергали церковную иерархию, монашество и таинства, выражали недовольство практикой симонии. Духовенство назвало новую ересь «прямой затеей сатаны», ее участников — «злокозненными хулителями церкви», «развратителями христианской веры». В Никоновской летописи встречается запись о том, что в 1375 г. новгородцы потопили в Волхове стригольников-еретиков, в числе которых были представители духовенства. После разгрома

в Новгороде в начале XV в. стригольничество нашло себе прибежище в Пскове. Представления, разделявшиеся стригольниками, начали распространяться в конце XIV в. и в Москве. Московский митрополит Фотий в посланиях, написанных в 1416–1425 гг., предостерегал от пролития крови и убийства еретиков, говоря, что «только кровь и смерть да не будут на таковых, но инако всяко»¹, призывая при этом священников направлять еретиков в благоумие и познание истины. Однако руководители ереси были казнены, после чего движение стригольников не прекратило своего существования. В Новгороде во второй половине XV в. возникла ересь жидовствующих. Борьба с ней продолжалась около тридцати лет. Первым «открыл ересь» новгородский архиепископ Геннадий в 1487 году. В 1488 г. ему удалось созвать собор, на котором были осуждены нераскаявшиеся новгородские еретики.

Отношение российских императоров к сектам было различным. Известно, например, что в XVIII в. Екатерина II принимала меры против секты скопцов, но при этом она требовала, чтобы с ними поступали осторожно и осмотрительно для сохранения жизни и безопасности множества людей [Смолич, 197]. Мера наказания должна была соответствовать степени участия скопцов в жизни секты. Они были поделены на три категории: 1) начинщики (т. е. зачинщики), 2) люди, которые были начинщиками уговорены и уговаривали других, и 3) простаки — т. е. те, кто слепо повиновался безумству наставников. Для этих трех категорий существовали различные наказания: первых — высечь кнутом и сослать навечно; вторых — высечь батогами и сослать на тяжелые работы; третьих — отправить по своим жилищам. Император Николай I в 1826 г. запретил все собрания скопцов. При его предшественнике императоре Александре I проводилась различная политика: от веротерпимости и снисхождения к сектам (особенно к духоборцам) до тайных указов поступать с ними как с врагами человечества.

Государственная контрмиссия

Политика репрессий, преследований и притеснений является одной из причин неудач в борьбе, которая велась правительством

1. См.: Послание митрополита Фотия во Псков против стригольников. 23 сентября 1416 г. URL: <http://www.krotov.info/acts/15/1/fotiy.htm> (дата обращения: 20.07.2014).

и церковь со всевозможными разномыслиями, возникающими на религиозно-этической почве. Очевидно, что с пастырской точки зрения полицейские меры против сектантов себя не оправдали. Приведем слова миссионера XIX в. епископа Сумского Алексея (Дороднищина): «Все меры полицейские не наши меры. Святые апостолы действовали словом истины и силами Божьими. Да и обращение спасительно только то, которое произведено словом истины» [Архангелов, 9].

Однако государство продолжало действовать привычными методами. В 1892 г. был принят неофициальный «Закон о раскольниках и сектантах», а 22 марта 1903 г. на основании этого документа Святейшим Синодом и Сенатом было утверждено «Уголовное уложение», в котором ряд статей был направлен против раскольников, прежде всего старообрядцев, находившихся вне Русской православной церкви. Статья 298 этого документа гласит, что губернаторы обязаны содействовать православному духовному начальству в деле охранения прав церкви и незыблемости веры, чтобы ереси, расколы и другие, предрассудками и невежеством порождаемые заблуждения не распространялись, и чтобы для этого были употребляемы все предписанные высочайшими постановлениями меры. А статья 618 определяет, что к таким мерам относятся введение метрических книг для раскольников и запрет распространения их учений.

Приведем примеры некоторых методов контрмиссии, применявшихся в борьбе с сектами.

I. *Тюремное заключение* (отправляли в ссылку и заточали в монастыри лиц, провинившихся против церкви). Обычно преследовали три главные цели:

- 1) наказать виновного;
- 2) лишить его возможности распространять свои религиозные взгляды, т. е. в корне пресечь пропаганду идей, которые с точки зрения церкви признавались ложными, вредными и еретическими;
- 3) заставить виновного раскаяться, отказаться от своих убеждений, вернуть его в лоно Церкви.

Еще со времен Петра I применялось заключение раскольников в подземные монастырские тюрьмы. Широкой известностью пользовалась тюрьма Соловецкого монастыря. Во второй половине XVIII в. возникает новая монастырская тюрьма в центре России, в Спасо-Ефимовском монастыре г. Суздаля. Известный

публицист Александр Степанович Пругавин (1850–1920) напоминал о судьбе монастырских узников, «совершивших проступки и преступления против Церкви и религии, людей, подвергнутых заключению в монастырские тюрьмы». Он пишет о религиозных гонениях и нетерпимости как «о печальной и мрачной аномалии...» [*Архипастырский глаз*, 9].

II. Насилие

Известны случаи, когда власти попускали издевательское и нечеловеческое отношение к людям, принадлежащим к сектантам. Так, один из штундистов, Е. Н. Иванов описывает, как его пытали, чтобы заставить отречься от своей веры: родной брат приказал мужикам раздеть его, привязать за руки и ноги, после чего тело прижигали горящими папиросами. Это случилось в августе 1896 г., а в декабре попытка повторилась: его руки и бороду зажимали в железные тиски и жгли спину горячим железом [*Бонч-Бруевич*, 68].

Приведем пример, который обсуждался на III Миссионерском съезде [*Громогласов*, 86] — «Тираспольское дело»: в 1897 году в раскольническом скиту под Тирасполем двадцать пять человек добровольно обрекли себя на мученическую смерть. Событие имело большой общественный резонанс, о нем говорилось в общественных кругах и печати как о «непроглядной и беспросветной тьме тупого невежества», дикой для XIX столетия. Глава общины — Виталия (Вера Степановна Макеева) — дочь херсонского старообрядца-противоокружника была сторонницей аскетической скитской жизни, полностью отрешившейся от мира. В скиту воздержание от пищи доходило почти до голода, проводились многочисленные стояния с тысячами поклонов. Осенью 1896 г. у скитников появляются тревожные настроения из-за распространившегося слуха о грядущих гонениях на раскольников, о том, что их будут заключать в остроги и тюрьмы. Обострила события всенародная перепись, которую раскольники считали греховной, так как записи в метрике или переписные листки представлялись им «преданием во власть антихриста и наложением его всескверной печати». После первых слухов о переписи Виталия объявила своим последователям, что это и есть печать антихриста, так как оба слова — «печать» и «перепись» — начинаются с одной и той же буквы и внесение христианского имени в реестр равносильно положению этой печати и вечной гибели человека. Виталия пришла к решению принять добровольную смерть.

В ночь на 23 декабря девять человек в одежде раскольнических иноков, со свечами в руках, с молитвой, добровольно сошли в могилу. Через четыре дня, в ночь с 26 на 27 декабря, могила приняла шесть новых жертв. Из-за отказа от переписи шесть человек вместе с Виталией были арестованы и заключены в местную тюрьму. Местные судебные власти распорядились выпустить их под домашний арест. В ту же ночь четыре скитницы были заживо зарыты. Через несколько дней была замурована четвертая, последняя партия из шести человек, добровольно обрекших себя на смерть, среди них была и Виталия.

На съезде говорилось о том, что «отчуждение раскольнических масс от общего хода народной жизни, недостаток разумного понимания действительности, влияние изуверских вожakov на умонастроение» составляют главную причину того, что эти темные массы оказываются беспомощными жертвами, что вопрос о расколе трудный и щекотливый, требующий не только знания и умения, но большого такта.

III. Притеснение старообрядцев

Есть многочисленные свидетельства о притеснениях старообрядцев, в том числе в сфере образования. Пругавин описывает, например, как крестьянин-старообрядец Михей Попов начал обучать детей грамоте, и вскоре у него набралось около 20 учеников. Однако об этом узнал местный священник и настоял на том, чтобы становой пристав немедленно запретил Попову обучать детей. Иногда за лицами, уличенными в педагогических наклонностях, устанавливался полицейский надзор.

Таким образом, методология борьбы с расколом и сектами, или контрмиссия, заключалась в основном в жестоких, но малопродуктивных административно-полицейских мерах. Церковного и соборного подхода к решению проблемы сектантства и раскольничества выработано не было. Впервые о сектантстве как о духовной проблеме, главным оружием в борьбе с которой является христианская любовь, заговорили только на миссионерских съездах, состоявшихся в период с 1887 по 1908 гг. На них был поднят вопрос об изменении методов борьбы с сектантами. Но при этом изучение каждой секты в отдельности для того, чтобы найти подход к людям, в качестве цели не ставилось. Кроме того, большое разнообразие сект затрудняло задачу. Церковь и государство вели борьбу против сект, как и против раскола, в непростых

условиях. Наличие большого числа сект также усложняло исследование их учений и религиозных корней, и в каждом случае миссионер нуждался в определенных специальных знаниях, которые не всегда были ему доступны.

Представление церкви о сектах долгое время было скудным. По мнению митр. Евлогия (Георгиевского), «современная организация миссионерства, особенно борьба с расплодившимися сектантством и безверием, была организована слабо, хотя у нас были миссионерские курсы при Казанской Духовной Академии, и отдельные миссионерские монастыри и школы. Большинство архиереев относились к этому важнейшему делу равнодушно. Святое дело миссии облеклось в формы бюрократические»². По мнению С. Маргаритова, исследовавшего историю сектантства, причины возникновения сект и раскола одни и те же:

- *религиозное невежество русского народа* явилось главной причиной возникновения раскола и появления и успешного распространения сектантства, так как, не имея ясных представлений о своей вере, люди не могли отличить, где правда, а где ложь, зачистую сохраняя чисто языческое мировоззрение;
- *недостатки в жизни и деятельности духовенства*, в том числе отсутствие учительства, нетрезвая жизнь, вымогательство за требы, формальное отправление богослужения;
- *религиозность народа* — сильное стремление уяснить истину в деле веры и нравственности. Зачастую это приводило к тому, что люди в поисках истины, увлекаемые подвижниками, лжеучителями и пророками новой веры, не имея представления о православии, движимые идеей спасения, уходили в секты [Маргаритов, 85–87].

Очевидной стала проблема низкого уровня просвещения в церкви. Изучение проблемы старообрядчества сделало явным тот факт, что негативное отношение старообрядцев к церкви и государству во многом было обусловлено недостатком духовного образования, примером чему служит «Тираспольское дело» [Громогласов].

Церковь и правительство вели регулярную борьбу с сектантством и всевозможными разномыслиями путем репрессий и преследований. Образование многочисленных сект свидетельствует о духовной жажде людей. «Но этот голод, эта жажда — разве могут они быть поставлены в вину? Не должны ли они быть вменены, напротив, в заслугу, даже в высокое нравственное

2. Цит. по: [Смолиц, 189–190].

достоинство нашего народа? Не должны ли мы радоваться тому, что не одебелело его нравственное чувство, не заснула религиозная мысль? — Писал известный публицист И. С. Аксаков. — <...> Не [сектантов] надо винить и судить за то, что они алчут и жаждут, а тех, которые отказывают им в питии и пище»³.

Беда в том, что Православная церковь, ведя открытую контрмиссию по отношению к старообрядцам и сектантам, использовала силовые административно-полицейские методы, и эти действия не приносили никаких плодов, а только отвращали людей от церкви и любви к Богу.

Была ли контрмиссия как средство защиты веры и церкви необходима — это отдельный вопрос, но используемые в ней средства, несомненно, были неприемлемы. Это явление возникло в первую очередь как следствие зависимости церкви от государства, в результате чего духовные вопросы, требующие пастырского подхода, решались административно-силовыми методами.

Литература

1. Адаменко = Адаменко Н. А. Миссия или контрмиссия // Миссионерское обозрение : Приложение к газете «Кифа». 2010. № 42. С. 1.
2. Антоний (Храповицкий) = Антоний (Храповицкий), архим. Из предложений 3-му Всероссийскому миссионерскому съезду Ректора Казанской Духовной Академии // Миссионерское обозрение. 1897. Т. 1. Кн. 1. С. 642–648.
3. Архангелов = Архангелов С. А. Среди раскольников и сектантов Поволжья : Историко-бытовые очерки раскола и сектантства в Нижегородском крае. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1899. 176 с.
4. Архипастырский глаз = Архипастырский глаз по главнейшим вопросам веры, пререкаемым сектантами / Под ред. В. А. Прозорова. Ч. 1. СПб., 1904. 181 с. (Прилож. к журналу «Православный путеводитель»).
5. Бонч-Бруевич = Бонч-Бруевич В. Материалы к истории и изучению русского сектанства. Вып. 6 : Преследование баптистов евангелической секты. Nants. Свободное слово, 1902. 84 с.
6. Громогласов = Громогласов И. М. Третий Всероссийский Миссионерский съезд : Факты и впечатления. Вып. I : Внешняя история съезда. Сведения о современном состоянии старообрядческого раскола. Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1898. 86 с.

3. Цит. по: [Смолич, 189–190].

7. *История России* = История России : XX век : 1894–1939 / Ред. А. Б. Зубов. М. : АСТ; Астрель, 2009. 1023 с.
8. *Макаревский, Добромыслов* = Макаревский М. И., Добромыслов П. П. 3-й Всероссийский миссионерский противораскольнический и противосектантский съезд в г. Казани 22 июля — 6 августа 1897 г. Рязань : Тип. Братства св. Василия, 1898.
9. *Маргаритов* = Маргаритов С. Д. Происхождение сект рационалистического характера : Причины появления и распространения рационалистических сект // Он же. История русских рационалистических и мистических сект. Симферополь : Таврич. губ. тип., 1910. С. 84–87.
10. *Мельников* = Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. 556 с.
11. *Миссиология* = Миссиология : Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Миссионерский отд. Моск. патриархата Русской Православной Церкви, 2010. 400 с.
12. *Смолич* = Смолич И. К. История Русской Церкви : В 8 книгах. Книга восьмая. Часть вторая : 1700–1917. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 800 с. С. 197.

I. V. Vlasenko

Antimission in the Russian Orthodox Church in the late XIX – early XX century (1887–1918)

The dynamic evolution of schism and sectarism in the XVII century prompted the Russian Orthodox Church to embark upon antimission. This was due to a number of reasons including indigenous religiosity coupled with ignorance and serious issues in clergy's life and ministry. The church and the government fought schism mainly by administrative and police action. This type of antimission was inefficient and generally encouraged a plethora of new schismatic groups. The outcome was that, by 1905, circa 20 million people were members of religious organisations and Old Believer unions.

KEYWORDS: antimission, schism, sects, Old Believers, Strigolniki, Baptists, repressions.